

О Н РОДИЛСЯ и вырос в глухом сибирском селе на берегу Енисея, и до восемнадцати лет не видел не только телевизора, но и поезда.

Не правда ли, если бы с такого признания начиналась современная молодежная повесть, то с первой фразы уже можно было бы угадать итог: либо герой попадает в город и находит свое признание там, либо, пройдя искусы городом, возвращается в родное село, чтобы уже никогда с ним не расставаться. И оба эти варианта, сколь расхожими они не кажутся, абсолютно жизненны и правдивы.

На долю Владимира Лаптева выпал первый вариант, правда, до жизни в большом городе было педучилище в маленьком городке Абакане, где сначала он учился, а затем преподавал алгебру. Была неудачная попытка поступить в ГИТИС — и она сама по себе достойна отдельного рассказа в духе Валерия Золотухина, потому что Лаптев, как и Золотухин в свое время, приехал в Москву поступать «на актера» и прямо с вокзала пришел в институт с чемоданом. Более того, обоих, по ошибке, отправили на прослушивание на отделение музыкальной комедии. Золотухин, как известно из его повести, поступил. А Владимир — нет, но уехал из Москвы не сразу, ночуя на вокзалах и скамейках в скверах, и каждый день приходя в ГИТИС, где чистенькие мальчики и девочки, знающие всех преподавателей в лицо и по имени-отчеству, важно рассуждали о театре и о шансах попасть в заветный институт. В тот раз он так и не увидел ни одного московского театра и уехал, растерянный и ошеломленный, обратно в Абакан.

На следующий год пытался поступить в Институт искусств во Владивостоке — и вновь неудача. Но, видно, сцена была ему на роду написана и, случайно узнав из «Комсомолки» о существовании институтов культуры, Владимир поступил в Восточно-Сибирский институт культуры в Улан-Удэ, на факультет режиссуры.

И потом опять была Москва, режиссерская аспирантура у профессора Андрея Гончарова, работа в театре имени Маяковского, встреча с Василием Шукшиным. С его творчеством и с ним самим. Роль Ефима Пьяных в спектакле по рассказам Шукшина «Характеры» и двухнедельное общение с Василием Макаровичем на

ДВЕ КОЛЕИ ОДНОЙ ДОРОГИ...

съемках заключительных кадров «Калины красной».

Молодого актера и режиссера судьба впервые свела с личностью такого творческого масштаба, и встреча эта не могла пройти для него бесследно.

В Русский драмтеатр Владимира Лаптева пригласил Виталий Черменев, «пома-нин» его студии. И с этого времени жизнь его как бы распалась на два параллельных! — курса.

Первый — сцена. За три года работы — двадцать ролей. Он сыграл Аристарха в «Энергичных людях», Митю в «Слоне», Семен Семеныча

в «Допросе», Валю Тюрина в «Ходе конем», Бабу-Ягу в «Двух кленах», де Бризара в «Беге»... Гротеск, воде-виль, сатира... По этим работам трудно определить его актерскую тему, пожалуй, только Митя в «Слоне» и Тюрин в «Ходе конем» более или менее дают представление о творческом диапазоне Владимира Лаптева, об умении в водевиле увидеть и передать глубокую человеческую боль, о мастерском владении формой.

Его домашний ученый, вернее, доморожденный философ Митя запомнился «враз и навсегда». Страстью неофита, приобщившегося, на-ко-

нец, к законам человеческого бытия, понять которые не в состоянии. Резиновой упругостью толкования этих законов. Непоколебимой уверенностью, что достиг границы знания. Тупой и вдохновенный. Именно в духе лубка, в стиле которого был решен спектакль.

Когда видишь Лаптева на сцене и угадываешь, как в любой, самой маленькой роли он ищет судьбу человека, то не можешь отделаться от мысли, что пока еще он актер нереализованных возможностей. В этом смысле лучшие его работы, безусловно, впереди.

А пока, наверное, он больше состоялся как педагог студии — и это вторая ко-лея жизни. В работе со студийцами он щедр необыкновенно. Как человек, нещадно тратящий себя. Как учитель. Как режиссер-педагог.

На его занятиях интересно. Любой этюд, разыгранный ребятами, он затем словесно проигрывает в разных вариантах, обнаруживая неумную фантазию и бережность к находкам исполнителей. Он с ними словно играет в театр, но за этой игрой стоит жестокая реальность. Театр — вещь действительно жестокая.

Недавно в статье о Ефиме Копеляне я прочитала слова артиста: «Если у тебя нет таланта, а ты хочешь играть Шекспира, то стой каждый вечер с алебардой у королевского трона». Это — тоже театр. И этому надо научить студийцев. Не только работе, но и трезвой оценке своих способностей. При всей своей влюбленности в студию, Владимир Лаптев понимает это:

— Актерством надо переболеть. Те, кто ленив, недостаточно способен, — не станут актерами, но могут найти себя рядом с театром. А студия — хочу в это верить — дает хорошую за-калку.

Ребята из прошлого выпуска, те, кто сейчас работает в других театрах, такие письма сейчас пишут! Что вспоминают о студии каждый день, что листают свои конспекты — а сколько труда стоило убедить их вести записи! — в общем, такие хорошие письма!

— А вы им пишете?

— Конечно.

С прошлым курсом Лаптев поставил четыре спектакля: по рассказам Шукшина, «Третью ракету» по В. Быкову, «За чем пойдешь — то и найдешь» («Женитьба Бальзаминова» А. Н. Островского), «Экспромт» по Мольеру.

С этим курсом, который кажется сильнее по составу, хочет сделать инсценировку по «Евгению Онегину».

Со студийцами он сам учится режиссуре. Студия помогает ему не потерять форму.

Владимир Лаптев учит студийцев. Студия учит его.

Этери КЕКЕЛИДЗЕ.

На снимках: Владимир Лаптев ведет занятия со студийцами.

Фото Д. ПРАНЦА.

„Молодежь эстонская“ в Таллине, 1978, 16 сн